

DOI [10.19181/demis.2026.6.2.9](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.9)

EDN [DWTWWE](https://edn.dwtwwe.ru)

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ЗАНЯТОСТИ ИНВАЛИДОВ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РОССИИ

Ростовская Т. К.

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Рочева Я. С.

ФНОЦ МСЭ и Р им. Г. А. Альбрехта Минтруда России, Санкт-Петербург;

Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: rocheva_yana@mail.ru

Для цитирования: Ростовская, Т. К. Особенности социального положения и занятости инвалидов в сельской местности России / Т. К. Ростовская, Я. С. Рочева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 2. С. 144–167. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.9](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.9). EDN [DWTWWE](https://edn.dwtwwe.ru).

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению положения и социальной интеграции инвалидов, проживающих в сельской местности. Целью работы является анализ социально-экономических условий жизни, занятости, доступа к медицинским и социальным услугам инвалидов в сельских территориях. На материалах данных Комплексного наблюдения условий жизни населения 2024 г., а также всероссийского опроса людей с инвалидностью и законных представителей детей-инвалидов, проведенного в 85 субъектах Российской Федерации в 2024 г., выявлены различия в жилищных условиях, доступности инфраструктуры и характеристиках трудовой занятости инвалидов в зависимости от территории проживания и нарушенных функций организма. Результаты исследования показывают, что инвалиды, проживающие в сельской местности, сталкиваются с более низким уровнем благоустройства жилого фонда, ограниченной доступностью объектов инфраструктуры и транспорта, с менее диверсифицированной структурой занятости по сравнению с инвалидами, проживающих на городских территориях. Выявлено, что наиболее существенны ограничения именно тех, чья жизнедеятельность напрямую зависит от физической доступности пространства, это особенно касается инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата и зрения. Сделан вывод о присутствии двойного неравенства, когда инвалидность задает исходный уровень ограничений, а территориальная среда определяет возможности их социальной компенсации или усиления. Полученные выводы дополняют существующие социологические представления о социальной интеграции инвалидов и могут быть использованы при разработке и оценке мер социальной политики, ориентированных на специфику сельских территорий.

Ключевые слова: инвалидность, сельская местность, социальное неравенство, социальная политика, социальная интеграция, занятость, доступ к услугам

Введение

В условиях демографического старения населения, трансформации социальной структуры российского села и сохраняющегося территориального неравенства особую научную значимость приобретает анализ положения инвалидов, проживающих в сельской местности. Несмотря на устойчивое внимание демографических и социологических исследований к проблемам инвалидности, преобладающая часть работ сосредоточена либо на общероссийских показателях инвалидизации, либо на компонентах комплексной реабилитации без достаточного учета про-

странственного контекста. Между тем сельская местность представляет собой специфическое пространство, где инвалидность приобретает дополнительные формы ограничений, связанные с инфраструктурной разреженностью, сниженной доступностью медицинских, социальных, транспортных и государственных услуг, а также ограниченной диверсификацией занятости. Исследовательская проблема, поставленная авторами, заключается в недостаточной разработанности понимания того, каким образом сельская местность влияет на воспроизводство неравенства среди инвалидов, модифицируя их возможности социальной интеграции, активного образа жизни и доступа к базовым ресурсам.

Целью статьи является выявление особенностей положения инвалидов в сельской местности России через анализ демографических, инфраструктурных и социально-экономических различий между сельскими и городскими территориями, определение роли сельской среды как самостоятельного фактора усиления социальной уязвимости инвалидов.

Методологическая основа статьи строится на применении социальной модели инвалидности, концепции территориального неравенства, разработок социологии села и результатов зарубежных и эмпирических исследований положения инвалидов в сельской местности.

В последние десятилетия в научной литературе усиливается внимание к различиям в положении инвалидов в зависимости от типа поселения, прежде всего, к сопоставлению городских и сельских условий жизни [1, с 28]. Сельская местность в исследованиях описывается как социальное пространство с ограниченной инфраструктурой и сниженной доступностью институтов социальной поддержки [2].

Российские и зарубежные эмпирические исследования фиксируют, что проживание в сельских территориях сопряжено с более низкой доступностью медицинских, социальных и реабилитационных услуг [3]. Эти обстоятельства оказывают прямое влияние на качество жизни инвалидов и возможности социальной интеграции [4]. Несмотря на рост исследовательского интереса, изучение проблем инвалидов в сельской местности остается недостаточно систематизированным, особенно в сравнительном контексте.

Бесценный вклад в развитие социологии села внес Староверов Владимир Иванович, создатель оригинальной научной школы российской социологии деревни, автор фундаментальных монографий и эффективных методов решения, имеющих крупное народнохозяйственное, социальное и культурное значение практических проблем, последовательный борец с политикой ликвидации мелких деревень, воспитатель многочисленных социологических кадров уровня кандидатов и докторов наук, талантливый организатор крупномасштабных исследований и научной жизни [5].

В трудах В. И. Староверова комплексно разрабатываются вопросы теории, методологии и методов социологического изучения социальной структуры и стратификации, механизмов, закономерностей и тенденций изменений в ней в советский период и в условиях радикально-либеральной перестройки; методологические проблемы сельской социологии, включающей, социологию деревни, аграрную социологию и др. частные социологические дисциплины. В. И. Староверовым

научно обоснована новая междисциплинарная область социологического познания – крестьяноведение и ее составная часть – социология крестьянства [6].

Причины миграции из села в город, социально-экономическое положение сельских жителей раскрыты в работах: С. А. Андриященко [7], Ю. П. Бондаренко [8], П. П. Великого [9], Т. А. Жуковой [10], О. В. Исаевой [11], Л. В. Намруевой [12], Е. Н. Касаркиной [13] и др.

Исследованию состояния социально-трудовой сферы села, ее роли в становлении устойчивости семьи и взаимосвязи с сельским хозяйством посвящены работы В. И. Гасиева [14], П. М. Ельчанинова [15], О. И. Пантелеевой [16], Г. С. Широкаловой [17] и др. В целом результаты исследований, проведенных данными учеными, свидетельствуют о низкой рентабельности сельского хозяйства и возросшем уровне трудовой миграции населения, особенно среди молодежи.

Современное российское село в научной литературе рассматривается как социально-пространственная система, находящаяся в состоянии глубокой структурной трансформации, сочетающей кризис традиционной аграрной модели, устойчивое территориальное неравенство и формирование новых постаграрных сценариев развития. Исследования последних лет показывают, что сельская местность в России перестает быть исключительно пространством сельскохозяйственного производства и все в большей степени становится территорией демографических, инфраструктурных и институциональных дисбалансов, одновременно сохраняя потенциал локальной устойчивости и диверсификации.

Одним из ключевых направлений анализа современного состояния российского села выступает проблема демографического сокращения и пространственного сжатия. По мнению академика РАН А. В. Петрикова, сохраняющийся разрыв в уровне и качестве жизни между городом и селом способствует усилению миграционного оттока населения, прежде всего молодежи, что ведет к сокращению сельского населения, старению демографической структуры и «социальному опустыниванию» территорий. Автор подчеркивает, что стихийная урбанизация сопровождается выведением сельских территорий из полноценного социально-экономического оборота, ослаблением локальных сообществ и снижением устойчивости сельского пространства [18].

Демографическая деградация тесно связана с инфраструктурным неравенством. Исследование В. Л. Шабанова показывает, что сельское население России системно уступает городскому по интегральным показателям качества жизни, включая доступность социальной инфраструктуры, уровень благоустройства, доходы и территориальную связанность. При этом сельское пространство отличается высокой региональной дифференциацией: наряду с территориями относительной устойчивости сохраняются зоны устойчивой депривации, где низкий уровень развития инфраструктуры сочетается с ограниченным доступом к медицинским, образовательным и транспортным ресурсам [19].

Современная аграрная социология также фиксирует переход от традиционной модели деревни как аграрно-производственного пространства к более сложной постаграрной структуре. П. П. Великий и А. А. Вяльшина подчеркивают, что российская деревня сегодня характеризуется не только аграрным кризисом, но и трансформацией социального жизненного пространства: сокращением трудовых воз-

возможностей в классическом сельском хозяйстве, ростом социальной периферийности, изменением образа жизни и появлением новых моделей выживания. Авторы отмечают, что значительная часть сельских территорий существует в условиях многоуровневой депривации, включающей дефицит рабочих мест, институциональную слабость и ограниченность социальной инфраструктуры [20].

Вместе с тем современная литература подчеркивает, что кризисные процессы не исчерпывают характеристику российского села. А. В. Петриков акцентирует внимание на необходимости диверсификации сельской экономики, развития малого бизнеса, несельскохозяйственной занятости и локальных форм предпринимательства как ключевых механизмов преодоления структурной отсталости. По сути, речь идет о переходе от аграрного к многофункциональному селу, где устойчивость определяется не только сельским хозяйством, но и развитием сервисной, туристической, рекреационной и цифровой экономики [18].

Существенной характеристикой современного состояния российского села остается институциональная неоднородность. Исследования показывают, что эффективность развития сельских территорий в значительной степени зависит от качества государственного управления, региональной политики и уровня включенности локальных сообществ в процессы развития. Недостаточная согласованность программ, слабая управленческая координация и ограниченность местных ресурсов часто препятствуют реализации даже потенциально эффективных стратегий модернизации. В результате часть сельских территорий оказывается в состоянии устойчивого периферийного воспроизводства, данные процессы оказывают влияние, в том числе на инвалидов.

Обзор научной литературы

По данным Росстата, в 2024 г. в Российской Федерации насчитывалось 11 млн 123 тыс. инвалидов. Из них 41,7% это инвалиды 3 группы, 40,5% – инвалиды второй группы, 10,8% – инвалиды первой группы, 7% – дети-инвалиды. В структуре всего населения численность инвалидов составила 7,6%. За последние 5 лет численность инвалидов по сравнению с общей численностью населения уменьшается: в 2020 г. на 0,4%, по сравнению с 2023 г. на 0,1%. Общая численность инвалидов, приходящаяся на 1000 человек населения, также уменьшается с 80,3% в 2020 г. до 76,1% в 2024 г. По группам инвалидности существенных изменений в структуре нет. Большую часть составляют инвалиды со 2 и 3 группой инвалидности. В трудоспособном возрасте инвалидов – 36,5%, в 2024 г. их количество увеличилось на 7,4% по сравнению с 2020 г.¹ Сведения о численности инвалидов в городской и сельской местности отсутствуют, можно руководствоваться только общими сведениями о распределении городского и сельского населения по всему населению, где доля сельского населения на протяжении 5 лет не меняется и составляет около 25%.

В зарубежной социологии устойчиво прослеживается тенденция анализа инвалидности преимущественно в рамках социальной модели, согласно которой ограничения жизнедеятельности формируются под воздействием социальной

---

¹ Положение инвалидов // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 25.12.2025).

среды, а не исключительно вследствие состояния здоровья [21]. В сельском контексте данная модель дополняется анализом пространственного неравенства и институциональной разреженности среды [22].

Ряд исследований подчеркивает, что стандартизированные меры социальной политики, ориентированные на городские условия, демонстрируют низкую эффективность в сельских территориях [23]. В результате формируется разрыв между нормативно закрепленными правами инвалидов и практикой их реализации. Качественные исследования сельских сообществ показывают, что инвалидность в данных условиях приобретает комплексный характер, включающий экономические, инфраструктурные и культурные ограничения [24].

В российской социологической традиции анализ инвалидности в сельской местности опирается на концепции социальной эксклюзии и территориальной дифференциации [25]. Исследователи связывают положение инвалидов с общими процессами депопуляции села, старения населения и сокращения социальной инфраструктуры [26].

Систематические зарубежные обзоры показывают, что сельские жители с инвалидностью сталкиваются с дефицитом специалистов, значительными транспортными затратами и ограниченным набором реабилитационных услуг [27]. Эти факторы приводят к росту неудовлетворенных медицинских потребностей [4].

В научных публикациях отмечается и выраженная региональная дифференциация в реализации государственных программ социальной поддержки, связанная с неравномерным распределением ресурсов и административных возможностей [28].

Социально-экономическое положение инвалидов в сельской местности характеризуется повышенной уязвимостью. Зарубежные количественные исследования показывают, что уровень бедности среди сельских домохозяйств с инвалидами выше по сравнению с городскими территориями [29]. Дополнительные расходы, связанные с лечением и уходом, усугубляют экономическую нестабильность [30].

В зарубежных исследованиях подчеркивается, что сельская среда может усиливать социальную изоляцию инвалидов [31]. Небольшие размеры поселений и устойчивые социальные нормы формируют специфические формы стигматизации, что отражается на участии инвалидов в общественной жизни [32].

Эмпирические данные из исследования взрослых людей с инвалидностью в сельском контексте ЮАР указывают на комплекс физических, социально-эмоциональных и институциональных препятствий, ограничивающих участие в социальной, культурной и экономической жизни общества. Отмечается, что отсутствие инфраструктуры, ограниченный доступ к социальным услугам и устойчивые предубеждения в отношении инвалидности препятствуют эффективной интеграции этих лиц в местные сообщества [33].

Результаты российских исследований демонстрируют схожие тенденции. В сельских районах фиксируется сокращение сети медицинских учреждений и специализированных социальных служб, что снижает уровень институциональной поддержки инвалидов [28, с. 24]. В результате возрастает роль семей и неформальных практик помощи, что усиливает социально-экономическую нагрузку на домохозяйства [29].

Результаты исследований показывают ограниченные возможности трудовой занятости инвалидов в сельских районах [34, с. 110]. Данные российской историографии хорошо актуализируют проблемы государственной социальной политики в отношении инвалидов в сельской местности, где их рассматривали через социальный статус нетрудоспособных крестьян, а государственная социальная политика 1920–1930-х гг. оценивалась как неэффективная. Однако, по данным А. С. Ковалева, преимуществами применения труда инвалидов в сельском хозяйстве при наличии соответствующей квалификации и желания самих инвалидов была возможность решения таких сложных проблем, как подбор производства, обучение и переобучение, поиск надлежащего оборудования, содержание помещений [35, с. 99–100].

Специалисты также фиксируют более высокую зависимость сельских инвалидов от социальных выплат при одновременной недостаточности их компенсационного эффекта [36].

Отечественные исследователи семей, воспитывающих детей с инвалидностью в сельской местности, выявляют ограниченность социальных контактов и недостаточную информированность о мерах государственной поддержки [37]. Социальные связи в сельских сообществах могут выполнять компенсаторную функцию, но они не всегда обеспечивают полноценную институциональную защиту.

Обзор российских и зарубежных научных публикаций показывает, что особенности положения инвалидов в сельской местности формируется под воздействием совокупности территориальных, социально-экономических и институциональных факторов. Сельский контекст усиливает ограничения, связанные с инвалидностью, и снижает доступность социальных ресурсов.

Исследования, посвященные изучению положения людей с инвалидностью в сельской местности, демонстрируют совокупность структурно обусловленных ограничений, которые влияют на их доступ к социальным ресурсам, услугам и общественной активности. Обозначенные барьеры влияют на уровень социального участия данной категории населения и степени реализации их прав на равное участие и социальную интеграцию. В частности, в систематическом обзоре качественных исследований семей с детьми и молодыми людьми с инвалидностью, проживающими в сельской местности, выделены такие проблемы, как трудности доступа к медицинскому обслуживанию, образовательным возможностям и общественным сервисам, факторы социальной стигматизации и изоляции, которые затрудняют включение в повседневную жизнь сообщества [38].

Особенности социальной интеграции инвалидов также выявляются в исследованиях доступности ухода и услуг, ориентированных на нахождение людей с ограниченными возможностями в домашней и общинной среде. Эти исследования подчеркивают многомерность барьеров, включая физические, организационные и институциональные факторы, которые особенно ощутимы в сельских районах с низкой плотностью населения и недостаточно развитой социальной инфраструктурой [39].

В российской социологической литературе в настоящее время актуализируется обсуждение социальной интеграции инвалидов через призму реабилитационных практик, которые предполагают взаимосвязанное рассмотрение медицинских, психологических, образовательных и социально-реабилитационных мероприя-

тий. Такие подходы ориентированы на поддержание социальной активности инвалидов и обеспечение их участия в общественных процессах с помощью комплексных программ социальной и социально-профессиональной реабилитации [40].

Таким образом, анализ современных эмпирических и теоретических исследований свидетельствует о том, что положение людей с инвалидностью в сельской местности сопровождается значительными структурными и институциональными трудностями, отражающимися на уровне их социальной интеграции. Успешная интеграция требует учета социальных, экономических и культурных условий сельских сообществ, что позволит обеспечить равный доступ к получению медицинских и социальных услуг, укрепление социальной поддержки и устранение дискриминационных практик в отношении инвалидов сельской местности.

Методология и методы исследования, источники информации

Методика исследования строится на анализе отдельных направлений, характеризующих положение инвалидов в сельской местности: жилищных условий, оценки доступности объектов инфраструктуры и услуг, особенностей трудоустройства. Дальнейшее изучение вопроса даст возможность раскрыть и другие аспекты жизнедеятельности инвалидов в сельской местности, которые позволят определить особенности их социальной интеграции.

Источниками информации выступают данные комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ) 2024 г., проведенного Росстатом. Основу выборочной совокупности мониторинга составили домохозяйства, их включение осуществлено на основе принципов случайного отбора отдельно по городскому и сельскому населению в каждом из субъектов Российской Федерации. За единицу отбора принято жилое помещение с постоянно проживающим населением. Единицами наблюдения являются домохозяйство и члены домохозяйства, в том числе дети. Общий охват составил 60 тыс. респондентов². Сведения о количестве опрошенных инвалидов в описании методики не указываются.

Изучение мнений инвалидов проведено ФГБУ ФНОЦ МСЭ И Р имени Г. А. Альбрехта Минтруда России в рамках мониторинга соблюдения прав инвалидов и реализации положений Конвенции о правах инвалидов [41]. Методика исследования построена на всероссийском социологическом опросе людей с инвалидностью и законных представителей детей-инвалидов. Время проведения – июнь 2024 г. Всего было опрошено 9108 респондентов по стратифицированной, не пропорциональной модели выборке по следующим критериям: место проживания (город, сельские территории); возраст – взрослое население (старше 18 лет), дети (от 0 до 17 лет); пол (мужчины, женщины, мальчики, девочки); наличие стойких нарушений функций организма (опорно-двигательного аппарата, слуха, зрения, психических функций, прочие нарушения). Региональный охват – 85 субъектов Российской Федерации. Полученные ответы респондентов обработаны методом описательной статистики и анализа двумерных распределений по месту проживания. Для нужд настоящего

---

² Комплексное наблюдение условий жизни населения 2024 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/index.html (дата обращения: 25.12.2025).

исследования были отобраны 30,4% респондентов, проживающих в сельской местности, включая поселки городского типа, и сформирована подвыборка в размере 2777 человек.

Результаты

Данные комплексного наблюдения условий жизни населения 2024 г. фиксируют различия в уровне обеспеченности домохозяйств, имеющих в своем составе инвалидов, в зависимости от типа территории проживания. Опрошенные респонденты, проживающие в городской местности, отмечают более высокий уровень благоустройства места проживания по сравнению с сельскими жителями. Наиболее выраженные различия выявлены по показателям обеспеченности централизованным отоплением, горячим водоснабжением и канализацией. В сельской местности централизованное отопление имеют 14,6% домохозяйств, тогда как в городской местности этот показатель достигает 82,2%.³ Горячее водоснабжение в сельских домохозяйствах преимущественно обеспечивается за счет местных и индивидуальных водонагревателей, что отмечено респондентами в 72,2 % случаев⁴. Центральной канализацией в сельской местности располагают лишь 27,0% домохозяйств⁵. Данные показатели характеризуют в целом место проживания для всех опрошенных вне наличия инвалидности.

Несмотря на объективно более низкие показатели благоустройства, субъективная оценка условий проживания домохозяйств с инвалидами в сельской местности остается относительно высокой. Удовлетворенность жилищными условиями выражают 76,3% опрошенных, что свидетельствует о положительном и субъективном восприятии места своего проживания по населению в целом.

Дальнейший анализ результатов КОУЖ позволяет выявить выраженную территориальную дифференциацию проблем инвалидов в зависимости от типа населенного пункта.

Ключевой проблемой сельских инвалидов является не столько социальная дезорганизация, сколько структурное исключение из системы повседневной доступности. Ограничения касаются базовых жизненных функций: приобретения лекарств (большая отдаленность аптек отмечена 48,7%), лечения (недоступность медицинских услуг – 27,6%), мобильности (плохая организация общественного транспорта – 40,2%), досуга (большая отдаленность мест отдыха и досуга – 40,7%, объектов физкультуры и спорта – 39,0%), административного взаимодействия (недоступность услуг по оформлению документов – 28,3%), торговли (большая отдаленность торговых точек – 25,4%).

Для инвалидов, проживающих в городской местности, больше характерны проблемы социального неблагополучия: алкоголизм – 35,5% (против 17,5% в сель-

---

³ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2024 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/index.html (дата обращения: 25.12.2025).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ской местности); вандализм – 19,9% (против 6,8%) и проблемы с экологией (загрязненность окружающей среды – 41,7% (против 14,1%)⁶.

Анализ самооценок инвалидов по результатам КОУЖ 2024 г. относительно возможностей вести активный образ жизни демонстрирует отсутствие территориальных различий в этой сфере и не сводится исключительно к инфраструктурной обеспеченности. Несмотря на более ограниченную ресурсную базу территорий, сельские инвалиды в ряде случаев демонстрируют более высокую субъективную готовность к активному образу жизни, однако реальные практики активности оказываются значительно менее развитыми.

Среди инвалидов, проживающих в сельской местности, доля считающих себя способными вести активный образ жизни составляет 8,9%, тогда как среди городских жителей – 6,3%. Одновременно в сельской местности ниже доля тех, кто связывает невозможность активной жизни с состоянием здоровья и возрастом (80,5% против 85,9%).

Невзирая на более высокую субъективную оценку способности к активности, среди сельских инвалидов фактическое участие в активных формах досуга значительно ниже: занимались какими-либо видами активного отдыха – 16,6% (в городе – 31,8%), не занимались никакими видами активного отдыха – 83,4% (в городе – 68,2%), что говорит об отличии возможностей реализации установок вести активный образ жизни.

Среди причин отказа от активного образа жизни у сельских инвалидов наиболее выражены: нехватка времени – 38,6% (в городе – 17,9%) и отсутствие поблизости мест для занятий – 9,7% (в городе – 6,3%).⁷

Оценка доступности инфраструктуры в сельской местности в основном носит умеренно положительный характер. По данным опроса, 82,6% инвалидов пользовались магазинами шаговой доступности⁸. Вместе с тем транспортная доступность вызывает беспокойство: услугами общественного транспорта в сельской местности пользуются лишь 31,9% инвалидов в возрасте 15 лет и старше⁹.

Промежуточный анализ результатов КОУЖ 2024 г. позволяет сделать вывод о том, что положение инвалидов в сельской местности характеризуется сочетанием относительно позитивной субъективной адаптации с объективно выраженными территориально-инфраструктурными ограничениями. Сельская местность усиливает ограничения, связанные со статусом инвалидности, за счет слабой развитости среды проживания, удаленности базовых ресурсов и ограниченного доступа к услугам.

Первоочередными выступают проблемы доступности аптек, медицинских услуг, транспорта, административных сервисов, торговли, досуга и физической активности. Это позволяет говорить об инвалидности на селе, где для жизнеобеспечения требуются большие затраты времени, мобильности и социальных ресурсов.

---

⁶ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2024 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/index.html (дата обращения: 25.12.2025).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

В отличие от городских инвалидов, сталкивающихся преимущественно с социально-экологическими рисками (алкоголизм, вандализм, загрязнение среды), сельские инвалиды чаще оказываются в ситуации инфраструктурного исключения.

Положение инвалидов в сельской местности можно охарактеризовать как состояние двойного неравенства: с одной стороны, инвалидность как статус ограничивает ресурсы жизнедеятельности, с другой – сельская среда снижает возможности компенсации таких ограничений. Это позволяет рассматривать сельскую инвалидность как особую форму социальной интеграции в условиях ограниченного доступа к инфраструктуре, услугам и пространственным ресурсам.

Дополнением сведений КОУЖ 2024 г. является итоги социологического исследования инвалидов и родителей детей-инвалидов, которые позволяют расширить представления по изучаемому вопросу и провести сравнительный анализ. Опрос был проведен ФГБУ ФНОЦ МСЭ и Р им Г.А. Альбрехта Минтруда России в июне 2024 г. в 85 субъектах Российской Федерации. В число опрошенных попали респонденты со следующими социально-демографическими характеристиками. По полу опрошенные представлены практически поровну: 50,8% мужчин и 49,2% женщин. Детей-инвалидов в возрасте до 18 лет в выборочной совокупности – 24,2%. Взрослые опрошенные распределились следующим образом: 29,1% в возрасте 50–69 лет, 17,3% старше 70 лет, 16,7% в возрасте 30–49 лет, 6,1% в возрасте 18–29 лет. Оценка жилищных условий инвалидов в сельской местности по результатам опроса характеризуется как благополучная, так как более 80% проживают в своем жилье из них: 51,5% – в частном доме, 32,1% – в квартире.

Среди взрослых инвалидов 23% имеют первую группу, 43% – вторую группу, 34% – третью группу инвалидности. По типу нарушений функций организма опрошенные распределены достаточно равномерно, так как это было основой формирования стратифицированной выборки: инвалиды с нарушениями слуха – 18,8%, зрения – 19,4%, с нарушениями опорно-двигательного аппарата – 22,2%, нарушениями психического здоровья – 18,6%, иное заболевание – 20,0%.

Результаты всероссийского социологического опроса говорят о низком уровне адаптации объектов инфраструктуры для нужд инвалидов в сельской местности. Более половины респондентов указали на отсутствие специальных устройств в жилых домах (54,5%), подъездах, лифтах и лестничных клетках (53,9%), а также на тротуарах (54,5%). Схожие оценки были получены и среди респондентов-горожан, однако в городах показатели оснащенности жилых домов несколько выше. В целом оценки состояния адаптации инфраструктуры, полученные в ходе опроса, согласуются с данными комплексного наблюдения условий жизни населения 2024 г. и дополняют их (табл. 1).

Сравнительный анализ отдельных объектов инфраструктуры показывает, что наиболее доступными для инвалидов, проживающих в сельской местности, являются магазины, которые 50,4% респондентов оценивают как оборудованные. Объекты культуры, включая театры, кинотеатры и дома культуры, признаны оборудованными в 42,0% случаев. Наименее адаптированным остается общественный транспорт, уровень оснащенности которого, по оценкам сельских респондентов, составляет 20,8%. Для городских территорий характерны наиболее высокие пока-

затели доступности транспортной инфраструктуры, однако и здесь они не превышают трети положительных оценок.

Таблица 1

Оценка состояния некоторых объектов инфраструктуры, оборудованной специальными устройствами для инвалидов (пандусы, подъемники и др.) (%)

Table 1

Assessment of the condition of certain infrastructure facilities equipped with specialized devices for people with disabilities (ramps, elevators, etc.) (%)

Наименование	Оценка	Городские территории	Сельские территории
Тротуары	оборудованы	33,9	25,4
	не оборудованы	44,0	54,5
	затрудняюсь ответить	22,1	20,1
Жилые дома	оборудованы	27,0	18,5
	не оборудованы	50,5	57,4
	затрудняюсь ответить	22,5	24,0
Подъезды, лифты, лестничные клетки	оборудованы	24,9	18,3
	не оборудованы	52,2	53,9
	затрудняюсь ответить	22,9	27,8
Театры, кинотеатры, концертные залы, дома культуры	оборудованы	42,8	42,0
	не оборудованы	16,9	19,9
	затрудняюсь ответить	40,3	38,1
Магазины	оборудованы	51,2	50,4
	не оборудованы	24,5	28,3
	затрудняюсь ответить	24,3	21,3
Общественный транспорт	оборудованы	30,5	20,8
	не оборудованы	38,4	41,8
	затрудняюсь ответить	31,1	37,5

Источник: всероссийский опрос инвалидов и законных представителей детей-инвалидов 2024 г. (n = 2 777)

По мнению инвалидов, проживающих на сельских территориях, наиболее низкие показатели оборудованности фиксируются в отношении тротуаров, жилых домов, подъездов, лифтов и общественного транспорта, то есть именно тех объектов, которые обеспечивают базовую автономность и независимости повседневной жизни.

Среди сельских инвалидов с нарушениями зрения и опорно-двигательной системы наиболее остро отмечена зависимость от состояния физической среды, поскольку их ограничения непосредственно связаны с необходимостью безопасного перемещения.

Необорудованность тротуаров наиболее критично оценивают инвалиды по зрению (59,1%) и лица с нарушениями опорно-двигательной системы (57,5%). В жилом фонде максимальные ограничения отмечают инвалиды с нарушениями опорно-двигательной системы (64,4%) и зрения (60,5%). Общественный транспорт считают необорудованным 44,9% инвалидов с нарушениями опорно-двигательной системы.

В сравнении с базовой инфраструктурой, магазины, театры, кинотеатры и дома культуры демонстрируют более высокий уровень адаптации. В оценке магазинов сельские инвалиды с нарушениями опорно-двигательного аппарата чаще

других сталкиваются с барьерами (31,2%). В оценке досуговых учреждений не выявлено каких-либо зависимостей от нарушений функций организма.

В оценке доступности среды для сельских инвалидов с нарушениями опорно-двигательной системы и зрения недостаточная оборудованность среды превращает инвалидность из медицинского статуса в состояние устойчивой социальной зависимости. Доступная среда в ее нынешнем состоянии носит селективный характер и воспроизводит неравенство между различными категориями инвалидов, наиболее существенно ограничивая именно тех, чья жизнедеятельность напрямую зависит от физической доступности пространства.

Согласно результатам КОУЖ 2024 г., 55,5% инвалидов в возрасте 15 лет и старше, проживающих в сельской местности и участвующих в трудовой деятельности, имеют профессию или специальность, подтвержденную документом об образовании. В городской местности доля таких респондентов составляет 74,0%. У 44,1% сельских инвалидов, занятых в экономике, работа соответствует полученной специальности, еще у 13,2% она близка к профилю образования¹⁰. По сравнению с результатами предыдущих статистических наблюдений, данные показатели демонстрируют положительную динамику.

По результатам социологического опроса принципиальных различий в уровне занятости между городскими и сельскими инвалидами не выявлено. В сельской местности работают 14,3% опрошенных, в городской – 17,4%. Доля неработающих составляет 52,2% среди сельских инвалидов и 49,9% среди городских. Характер занятости также имеет сходные черты: на постоянной основе с полным рабочим днем работают 37,0% инвалидов, проживающих в сельской местности, что сопоставимо с показателями городских территорий. Существенных различий по формам занятости между территориальными группами не зафиксировано (табл. 2).

Таблица 2

Характер занятости опрошенных инвалидов (%)

Table 2

The nature of employment of respondents with disabilities (%)

Оценка места работы	Городские территории	Сельские территории
Работают на предприятиях, в организациях на постоянной основе полный рабочий день	37,9	37,0
Работают на предприятиях, в организациях на постоянной основе не полный рабочий день	23,0	20,4
Работают на предприятиях, в организациях на постоянной основе временно полный рабочий день	3,0	3,4
Работают на предприятиях, в организациях временно неполный рабочий день	4,6	4,3
Работают на дому, полная занятость	4,1	3,1
Работают на дому, неполная занятость	6,9	6,3
Имеют собственное дело	3,8	3,1
Другое	16,7	22,4

Источник: всероссийский опрос инвалидов 2024 г. (n = 2 777)

¹⁰ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2024 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/index.html (дата обращения: 25.12.2025).

Распределение опрошенных инвалидов по занимаемым должностям с учетом территориального фактора демонстрирует выраженные различия между городскими и сельскими территориями. В сельской местности структура занятости инвалидов характеризуется иными пропорциями, нежели в городской. Наиболее многочисленной категорией выступают рабочие, доля которых достигает 33,3%, что превышает аналогичный показатель инвалидов, проживающих на городских территориях. Существенно ниже представлена группа специалистов – 15,5%, а доля служащих составляет 12,9%. Руководящие должности занимают лишь 4,1% опрошенных инвалидов, что указывает на ограниченные возможности профессионального продвижения и участия в управленческой деятельности в сельских условиях. Категория технических исполнителей имеет одинаковое значение для обеих территорий и составляет 8,3%. Значительная доля ответов относится к категории «другое» – 26,0%, что может отражать нестандартные формы занятости, самозанятость либо эпизодическую трудовую деятельность, более характерную для сельских территорий.

В целом полученные данные показывают, что занятость инвалидов в сельской местности в большей степени сосредоточена в сегменте рабочих профессий и нестабильных форм занятости, тогда как городские территории демонстрируют более диверсифицированную структуру должностей, включая управленческие и квалифицированные позиции. Это различие указывает на влияние территориальных условий на характер трудовой интеграции инвалидов и их положение в системе социально-профессиональных отношений (табл. 3).

Таблица 3

Должность, занимаемая опрошенными инвалидами

Table 3

Position held by respondents with disabilities

Оценка места работы	Городские территории	Сельские территории
Руководитель (высшего, среднего, низшего уровня)	9,4	4,1
Специалист (инженер)	19,6	15,5
Служащий	15,3	12,9
Технический исполнитель	8,3	8,3
Рабочий	28,2	33,3
Другое	19,2	26,0

Источник: всероссийский опрос инвалидов 2024 г. (n = 2 777)

Обсуждение

Современные исследования инвалидности демонстрируют, что различия в положении инвалидов формируются под воздействием двух взаимосвязанных уровней детерминации: индивидуального (статус инвалидности, тип и тяжесть нарушений) и структурного (тип местности, инфраструктура, пространственное распределение ресурсов). Международная и российская литература в принципе сходятся в том, что инвалидность определяет исходную степень функциональных ограничений, тогда как территориальный контекст – прежде всего сельская/городская локализация и региональное развитие – задает условия социальной реализации этих ограничений. Иными словами, статус инвалидности формирует базовую уязви-

мость, а тип местности выступает модификатором масштаба социальной эксклюзии.

Зарубежные исследования наиболее последовательно раскрывают данный вопрос через модели rural – urban disparities. Так, анализ работы R. Sage и соавторов показал, что сельские жители имеют более высокую вероятность устойчивой инвалидности даже после статистического контроля возраста, дохода и демографических характеристик, что свидетельствует о самостоятельном влиянии сельской среды на воспроизводство ограничений жизнедеятельности. При этом значительная часть различий объясняется структурными факторами – бедностью, доступом к медицинской помощи, транспорту и инфраструктуре, а не исключительно состоянием здоровья. Авторы делают вывод о том, что сельская местность не столько производит инвалидность, сколько усиливает ее долговременные последствия через дефицит ресурсов и институциональной поддержки [42].

Исследования распространенности инвалидности в США и странах ОЭСР также подтверждают, что сельские территории характеризуются более высокой долей множественных ограничений, однако после учета социально-экономических переменных ключевым становится именно различие в доступности медицинских и реабилитационных услуг. Следовательно, тип местности сильнее влияет на доступ к компенсационным механизмам, чем на сам факт инвалидности. В международной литературе это трактуется как “environmental amplification effect” – эффект усиления инвалидности средой. Особенно показательно то, что для лиц с тяжелыми формами инвалидности, когда пространственные различия оказываются значительно сильнее, чем для лиц с умеренными ограничениями, что указывает на взаимодействие, а не конкуренцию факторов [43]. Сходные выводы содержатся в исследованиях социальной эксклюзии людей с интеллектуальными нарушениями, где установлено, что тип нарушений функций организма задает базовый риск изоляции, но сельский контекст усиливает его за счет меньшего количества сервисов, транспортной недоступности и более выраженной стигматизации. Таким образом, зарубежная традиция преимущественно рассматривает инвалидность как первичный статус, а сельскую местность (rurality) – как фактор вторичной стратификации [44].

Российские исследователи развивают аналогичную логику, но в большей степени акцентируют внимание на институциональной и региональной неоднородности. Работы Е. В. Кулагиной показывают, что доступность социальной защиты, занятости и поддержки инвалидов трудоспособного возраста существенно варьируется по регионам Российской Федерации. Причем территориальные различия нередко оказываются более значимыми, чем формальный статус инвалидности. На материалах региональной статистики автор демонстрирует, что ограничения инвалидов усиливаются в условиях слабой инфраструктуры, низкой экономической емкости региона и ограниченности социальной политики, особенно в периферийных и сельских территориях [28].

В российскую социологию инвалидности важный вклад внесли П. В. Романов и Е. Р. Ярская-Смирнова, показавшие, что ограничения жизнедеятельности во многом формируются социальной организацией среды, а не только медицинским диагнозом. Исследования доступности образования, занятости и городской

инфраструктуры подтверждают, что пространственная организация общества способна либо компенсировать, либо усиливать ограничения, связанные со здоровьем. Особенно значим тезис о том, что «инвалидизирующим» фактором нередко выступает не состояние человека, а отсутствие доступной среды и универсального дизайна [45].

Работы Л. Н. Нацун, посвященные социальной уязвимости инвалидов в региональных сообществах, показывают, что в России территориальный фактор наиболее отчетливо проявляется в сфере занятости, качества жизни и социальной интеграции. При этом статус инвалидности определяет вероятность исключения из рынка труда, тогда как тип местности влияет на формы такого исключения – от открытой дискриминации до структурной недоступности рабочих мест. Это позволяет говорить о различии между статусной и территориальной уязвимостью инвалидов [46].

Итак, анализ результатов исследований позволяет сделать вывод о том, что тип местности определяет доступность транспорта, качество жилищной среды, инфраструктурную адаптацию, региональные возможности занятости, наличие возможностей для комплексной реабилитации и доступности социальной политики.

Статус инвалидности определяет: уровень самообслуживания; тяжесть инвалидности, потребность в специальных условиях; степень ограничений в образовании и труде, риск индивидуальной стигматизации.

Выходит, что различия в жизнедеятельности инвалидов не могут быть адекватно объяснены исключительно ни типом местности, ни статусом инвалидности. Наиболее продуктивной является модель двойной стратификации (double stratification) или чаще ее называют double disadvantage (двойное неравенство) [47], в рамках которой инвалидность задает исходный уровень ограничений, а территориальная среда определяет возможности их социальной компенсации или усиления. Для сельских и периферийных территорий характерен кумулятивный эффект: инвалидность здесь чаще трансформируется из индивидуального ограничения в устойчивое структурное неравенство.

Таким образом, и зарубежные, и российские исследования подтверждают, что тип местности следует рассматривать в первую очередь как структурный модификатор инвалидности, а не как альтернативное объяснение различий. Статус инвалидности формирует первичную уязвимость, тогда как пространственный контекст определяет степень ее институционального смягчения либо углубления. Это означает, что эффективная политика в отношении инвалидов должна учитывать не только медицинские и статусные параметры, но и пространственную организацию социальной среды, переходя от универсальных мер поддержки к территориально дифференцированным стратегиям социальной интеграции.

Результаты всероссийского опроса инвалидов сельской местности в целом согласуются с выводами российских и зарубежных исследований, посвященных анализу инвалидности в контексте территориального неравенства и социальной стратификации. Зафиксированные различия в уровне благоустройства домохозяйств, имеющих в своем составе инвалидов, подтверждают тезис о структурной уязвимости сельских территорий, которая неоднократно подчеркивалась в научной литературе. Низкая обеспеченность централизованными коммунальными услугами

в сельской местности, выявленная по данным комплексного наблюдения условий жизни населения 2024 г., соотносится с результатами исследований, указывающих на институциональную разреженность и ограниченность социальной инфраструктуры вне городских агломераций.

Вместе с тем обращает на себя внимание высокая субъективная оценка удовлетворенности жилищными условиями среди сельских домохозяйств с инвалидами. Такой результат перекликается с выводами работ, в которых подчеркивается адаптивный характер оценок качества жизни в условиях ограниченных ресурсов. В рамках дискуссии это может интерпретироваться как проявление снижения нормативных ожиданий либо как результат укорененности в локальном социальном пространстве, где сравнительная перспектива формируется преимущественно внутри сельского сообщества.

Результаты опроса подтверждают положения социальной модели инвалидности, согласно которой ограничения жизнедеятельности во многом формируются характеристиками среды. Низкий уровень оснащенности жилых домов, подъездов, тротуаров и транспортной инфраструктуры специальными устройствами для инвалидов согласуется с выводами отечественных и зарубежных авторов о недостаточной адаптации пространственной среды, особенно в сельских районах. Схожесть оценок городских и сельских респондентов указывает на системный характер проблемы, выходящий за рамки исключительно сельского контекста, однако именно в сельской местности данные ограничения проявляются более остро вследствие меньшего выбора альтернативных маршрутов и сервисов.

Анализ трудовой занятости инвалидов позволяет уточнить дискуссию о социально-экономической интеграции этой группы. Отсутствие существенных различий в уровне занятости между городскими и сельскими инвалидами на фоне различий в профессиональной структуре занятости свидетельствует о специфике сельского рынка труда. Более высокая концентрация инвалидов в рабочих профессиях и нестандартизированных формах занятости в сельской местности подтверждает выводы исследователей, рассматривающих трудовую интеграцию инвалидов как ограниченную рамками локальной экономической структуры. При этом выявленная учеными положительная динамика соответствия работы полученной специальности может рассматриваться как результат развития программ профессиональной реабилитации, однако ее эффект в сельских территориях остается ограниченным.

По большому счету полученные эмпирические данные дополняют существующие научные представления, демонстрируя, что формально сопоставимые показатели занятости и удовлетворенности условиями жизни скрывают глубинные различия в качестве среды, уровне институциональной поддержки и возможностях социальной мобильности инвалидов в зависимости от типа территории проживания.

Выводы (заключение)

Проведенное научное исследование позволяет сделать ряд обобщающих выводов о специфике жизнедеятельности и социальной интеграции инвалидов в сельской местности. Анализ статистических данных и результатов всероссийского социологического опроса показал, что сельские домохозяйства с инвалидами характеризуются более низким уровнем благоустройства и доступности инфраструктуры

по сравнению с городскими, что подтверждает наличие устойчивого территориального неравенства.

Установлено, что объективные ограничения жилищных условий и инфраструктурной среды в сельской местности сочетаются с относительно высокой субъективной оценкой удовлетворенности условиями жизни. Это расхождение указывает на адаптационные механизмы восприятия качества жизни и требует дальнейшего анализа в рамках социологии повседневности и исследований социального благополучия.

Результаты исследования свидетельствуют о низком уровне адаптации жилых и общественных пространств к потребностям инвалидов, что ограничивает их мобильность и участие в социальной жизни. Наиболее проблемной сферой остается транспортная доступность, дефицит которой существенно снижает возможности социальной интеграции в сельских территориях.

В сфере трудовой занятости выявлено, что, несмотря на близкие показатели участия в экономической деятельности городских и сельских инвалидов, структура занятости в сельской местности отличается меньшей диверсификацией и ограниченными возможностями профессионального роста. Это отражает влияние территориальных факторов на характер трудовой интеграции и социально-профессиональное положение инвалидов.

Полученные результаты имеют значение для дальнейших научных исследований, направленных на углубленный анализ региональной дифференциации, механизмов социальной адаптации и эффективности мер социальной политики в отношении инвалидов в сельских территориях. Перспективным направлением представляется развитие сравнительных исследований, а также оценка влияния программ комплексной реабилитации и доступной среды с учетом специфики сельского социального пространства.

Список литературы

1. *World Health Organization*. World Report on Disability 2011. Malta : WHO, 2011. 325 p. ISBN 978-92-4-068521-5.
2. *Philip, L. J.* Conceptualizing Social Exclusion in Rural Britain / L. J. Philip, M. Shucksmith // *European Planning Studies*. 2003. Vol. 11, № 4. Pp. 461–480. DOI [10.1080/09654310303646](https://doi.org/10.1080/09654310303646).
3. *Neille, J.* Beyond Physical Access: A Qualitative Analysis into the Barriers to Policy Implementation and Service Provision Experienced by Persons with Disabilities Living in a Rural Context / J. Neille, C. Penn // *Rural and Remote Health*. 2015. Vol. 15, № 3. Pp. 149–162. DOI [10.22605/RRH3332](https://doi.org/10.22605/RRH3332).
4. *Iezzoni, L. I.* Rural Residents with Disabilities Confront Substantial Barriers to Obtaining Primary Care / L. I. Iezzoni, M. B. Killeen, B. L. O'Day // *Health Services Research*. 2006. Vol. 41, № 4. Pp. 1258–1275. DOI [10.1111/j.1475-6773.2006.00534.x](https://doi.org/10.1111/j.1475-6773.2006.00534.x).
5. *Староверов, В. И.* Роль деревни в национальной жизни и в социальных переворотах в дореволюционной России // *Продовольственная политика и безопасность*. 2018. Т. 5, № 2. С. 107–115. DOI [10.18334/ppib.5.2.40112](https://doi.org/10.18334/ppib.5.2.40112). EDN [VAPY0J](https://www.edn.ru/VAPY0J).
6. *Староверов, В. И.* К истории возрождения российской сельской социологии / В. И. Староверов // *Социологические исследования*. 2008. № 10(294). С. 40–52. EDN [ITBUMI](https://www.edn.ru/ITBUMI).
7. *Андрющенко С. А.* Социально-экономические проблемы развития фермерского уклада в России / С. А. Андрющенко, Ю. П. Бондаренко, В. Б. Бурлаков, О. Я. Виноградская // *Устойчивое развитие агропродовольственного сектора как важнейший фактор социально-экономической стабильности России : материалы Второго Всероссийского конгресса экономистов-аграрников: в 2 частях, Москва, 13–15 февраля 2006 г. Часть 1. Москва : Российский научно-исследовательский институт информа-*

ции и технико-экономических исследований по инженерно-техническому обеспечению агропромышленного комплекса, 2006. С. 21–25. ISBN 5-7367-0597-4. EDN [QRQYNX](#).

8. *Бондаренко, Ю. П.* Перспективы многоукладности аграрного сектора России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2016. № 1. С. 12. EDN [VSAWET](#).

9. *Великий, П. П.* Хозяева сельских подворий: дифференциация, проблемы, будущее // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 48–60. DOI [10.31857/S013216250007734-0](#). EDN [ASCELK](#).

10. *Жукова, Т. А.* Проблемы развития крестьянских(фермерских) хозяйств на Кубани // Актуальные проблемы устойчивого развития сельских территорий : Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 25 ноября 2019 г. Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2019. С. 89–97. EDN [TMWWES](#).

11. *Исаева, О. В.* Многоукладность сельского хозяйства России: современные тенденции и перспективы развития // Экономика и экология территориальных образований. 2019. Т. 3, № 3. С. 20–30. DOI [10.23947/2413-1474-2019-3-3-20-30](#). EDN [CAJUOC](#).

12. *Намруева, Л. В.* Взаимодействие коллективного и семейного укладов в южнороссийских селах (по материалам исследования 2018 г.) // Logos et Praxis. 2019. Т. 18, № 2. С. 134–142. DOI [10.15688/Lp.jvolsu.2019.2.12](#). EDN [XIERPC](#).

13. *Касаркина, Е. Н.* Субкультура семейно-родственной помощи мордовской молодой семьи на селе // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 1. С. 45–55. DOI [10.15507/2076-2577.011.2019.01.045-055](#). EDN [ZHXFEA](#).

14. *Гасиев, В. И.* Становление и функционирование молодой сельской семьи (на примере Республики Северная Осетия-Алания) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Москва, 2006. 19 с. EDN [ZNQPGJ](#).

15. *Ельчанинов, П. М.* Женская безработица на селе // Социологические исследования. 2001. № 12. С. 133–135.

16. *Пантелеева, О. И.* Молодая семья как институциональный фактор устойчивого развития сельских территорий / О. И. Пантелеева, Н. М. Беляева // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса: Наука и высшее профессиональное образование. 2011. № 2(22). С. 249–254. EDN [NWAXLP](#).

17. *Широкалова, Г. С.* Специалисты для села и село для специалистов / Г. С. Широкалова, О. Н. Дерябина // Социологические исследования. 2010. № 9(317). С. 26–38. EDN [MULYVB](#).

18. *Петриков, А. В.* Приоритеты и механизмы социально-экономического развития российского села // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94, № 2. С. 115–123. DOI [10.31857/S0869587324020049](#). EDN [GIECWX](#).

19. *Шабанов, В. Л.* Качество жизни сельского населения России: интегральная оценка и региональная дифференциация // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 1. С. 4–19. DOI [10.24412/1561-7785-2024-1-4-19](#). EDN [MMPATA](#).

20. *Великий, П. П.* Современная российская деревня: актуальные проблемы и их отражение в аграрной социологии / П. П. Великий, А. А. Вьяльшина // Социологические исследования. 2025. № 1. С. 53–69. DOI [10.31857/S0132162525010068](#). EDN [ICIJDC](#).

21. *Oliver, M.* The Politics of Disablement – New Social Movements // The Politics of Disablement. Critical Texts in Social Work and the Welfare State. London : Palgrave, 1990. Pp. 112–131. DOI [10.1007/978-1-349-20895-1_8](#).

22. *Shakespeare, T.* Disability: The Basics. London : Routledge, 2017. 196 p. ISBN 9781315624839. DOI [10.4324/9781315624839](#).

23. *Mitra, S.* Disability and Poverty in Developing Countries: A Multidimensional Study / S. Mitra, A. Posarac, B. Vick // World Development. 2013. Vol. 41. Pp. 1–18. DOI [10.1016/j.worlddev.2012.05.024](#).

24. *Soldatic, K.* Disability and Rurality / K. Soldatic, K. Johnson. London : Routledge, 2017. 274 p. ISBN 9781315577340. DOI [10.4324/9781315624839](#).

25. *Романов, П. В.* Политика инвалидности. Проблемы доступной среды и возможности занятости / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова // Социологические исследования. 2005. № 2(250). С. 43–55. EDN [OPFFEL](#).

26. *Зубаревич, Н.* Развитие сельских территорий России, социальные и гендерные проблемы // Международный сельскохозяйственный журнал. 2017. № 2. С. 12–14. EDN [VXLVBY](#).

27. Gulliford, M. What does 'access to health care' mean? / M. Gulliford, J. Figueroa-Munoz, M. Hudson, et al. // Journal of Health Services Research and Policy. 2002. Vol. 7. № 3. Pp. 186–188. DOI [10.1258/135581902760082517](https://doi.org/10.1258/135581902760082517).

28. Кулагина, Е. В. Социальное обеспечение лиц с инвалидностью: доступность для граждан трудоспособного возраста. Часть 2 // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 4(40). С. 8–27. DOI [10.19181/snsp.2022.10.4.9280](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9280). EDN [YKZUFE](https://www.edn.ru/entry/10.19181/snsp.2022.10.4.9280).

29. Корогодова, Н. П. Эффективность социальных служб в реализации психолого-педагогических и социокультурных услуг в процессе инклюзии детей-инвалидов в общество / Н. П. Корогодова, Д. В. Зайцев, О. В. Зайцева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, № 1. С. 29–36. DOI [10.18500/1818-9601-2021-21-1-29-36](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-29-36). EDN [TSIXEX](https://www.edn.ru/entry/10.18500/1818-9601-2021-21-1-29-36).

30. Гурина, М. А. Исследование некоторых аспектов реализации социальной политики в отношении инвалидов на региональном уровне / М. А. Гурина, Т. И. Сокольская, А. С. Шурупова [и др.] // Экономика труда. 2023. Т. 10, № 3. С. 397–412. DOI [10.18334/et.10.3.117531](https://doi.org/10.18334/et.10.3.117531). EDN [MHRQAV](https://www.edn.ru/entry/10.18334/et.10.3.117531).

31. United Nations Department of Economic and Social Affairs. Disability and Development Report: Realizing the Sustainable Development Goals by, for and with Persons with Disabilities 2018. New York : UN DESA, 2019. 340 p. ISBN 9789210479035.

32. Hall, E. Alternative Spaces of 'Work' and Inclusion for Disabled People / E. Hall, R. Wilton // Disability & Society. 2011. Vol. 26, № 7. Pp. 867–880. DOI [10.1080/09687599.2011.618742](https://doi.org/10.1080/09687599.2011.618742).

33. Neille, J. A Qualitative Inquiry into the Ways in Which Space and Place Influence the Lived Experiences of Adults with Disabilities in Rural South Africa // Rural and Remote Health. 2021. Vol. 21, № 1. Article 6241. DOI [10.22605/RRH6241](https://doi.org/10.22605/RRH6241).

34. Инвалидность и социальное положение инвалидов в России / А. Я. Бурдяк, С. А. Васин, А. О. Макаренцева [и др.]. Москва : Издательство Дело, 2017. 256 с. ISBN 978-5-7749-1213-1. EDN [ZIZELV](https://www.edn.ru/entry/10.18334/et.10.3.117531).

35. Ковалев, А. С. Государственная социальная политика в отношении инвалидов и пожилых людей в сельской местности РСФСР в 1920–1930-х годах: оригинальные идеи и повседневные практики // Крестьяноведение. 2025. Т. 10, № 1. С. 77–103. EDN [JXVRCF](https://www.edn.ru/entry/10.18334/et.10.3.117531).

36. Проклова, Т. Н. Стойкая нетрудоспособность населения Российской Федерации: анализ и оценка региональных особенностей / Т. Н. Проклова, В. О. Щепин, Л. П. Чичерин [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28, № 4. С. 555–559. DOI [10.32687/0869-866X-2020-28-4-555-559](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-4-555-559). EDN [AKICFD](https://www.edn.ru/entry/10.32687/0869-866X-2020-28-4-555-559).

37. Пустовойт, Н. В. Проблема социальной изоляции семей с детьми-инвалидами (на материале Республики Хакасия) / Н. В. Пустовойт, Е. Н. Власова, О. П. Гурова, Н. С. Сафьянова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 12. С. 57–64. DOI [10.23672/SAE.2023.32.91.025](https://doi.org/10.23672/SAE.2023.32.91.025). EDN [PQIGPV](https://www.edn.ru/entry/10.23672/SAE.2023.32.91.025).

38. Lindsay, S. Disability and Rurality: A Systematic Review of Qualitative Studies of Experiences with Disability among Families with Children and Youth with Disabilities / S. Lindsay, N. Abdeahad, S. Leo, J. Phonepraseuth // Disability and Rehabilitation. 2025. Т. 47. № 26. Pp. 6781–6804. DOI: [10.1080/09638288.2025.2525545](https://doi.org/10.1080/09638288.2025.2525545).

39. Wang, Y. Multi-Dimensional Accessibility Barriers in Care Services for the Rural Elderly with Disabilities: A Qualitative Study in China / Y. Wang, C. Qi // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18, № 12. Article 6373. DOI [10.3390/ijerph18126373](https://doi.org/10.3390/ijerph18126373).

40. Старшинова, А. В. Реабилитация людей с инвалидностью и оценка ее результативности: социологическое обоснование и практика / А. В. Старшинова, Т. В. Рогачева, Е. В. Шестакова // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 1. С. 94–104. DOI [10.29039/1998-6785/2025-1/94-104](https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/94-104). EDN [GGREZH](https://www.edn.ru/entry/10.29039/1998-6785/2025-1/94-104).

41. Рочева, Я. С. Теоретико-методологические основы социологического мониторинга соблюдения прав инвалидов / Я. С. Рочева, А. В. Чечулин, Г. Н. Пономаренко // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2025. № 2. С. 50–67. DOI [10.15593/2224-9354/2025.2.4](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2025.2.4). EDN [LJQYQY](https://www.edn.ru/entry/10.15593/2224-9354/2025.2.4).

42. Sage, R. Transitory and Enduring Disability Among Urban and Rural People / R. Sage, B. Ward, A. Myers, C. Ravesloot // The Journal of Rural Health. 2019. Vol. 35, № 4. Pp. 460–470. DOI [10.1111/jrh.12338](https://doi.org/10.1111/jrh.12338).

43. Zhao, G. Prevalence of Disability and Disability Types by Urban-Rural County Classification-U.S., 2016 / G. Zhao, C. A. Okoro, J. Hsia, W. S. Garvin, M. Town // American Journal of Preventive Medicine. 2019. Vol. 57, № 6. Pp. 749–756. DOI [10.1016/j.amepre.2019.07.022](https://doi.org/10.1016/j.amepre.2019.07.022).

44. Nicholson, L. The Relationship between Area Deprivation and Contact with Community Intellectual Disability Psychiatry / L. Nicholson, H. Hotchin // Journal of Intellectual Disability Research. 2015. Vol. 59, № 5. Pp. 487–492. DOI [10.1111/jir.12149](https://doi.org/10.1111/jir.12149).

45. Ярская-Смирнова, Е. Р. Доступность высшего образования для инвалидов / Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов // Университетское управление: практика и анализ. 2005. № 1. С. 89–99. EDN [PI5YBX](https://www.edn.ru/PI5YBX).

46. Науун, Л. Н. Дискриминация инвалидов на рынке труда как проявление социальной эксклюзии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 3(35). С. 463–473. DOI [10.17072/2078-7898/2018-3-463-473](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-3-463-473), EDN [VBEVZC](https://www.edn.ru/VBEVZC).

47. Gething, L. Sources of Double Disadvantage for People with Disabilities Living in Remote and Rural Areas of New South Wales, Australia // Disability & Society. 1997. Vol. 12, № 4. Pp. 513–531. DOI [10.1080/09687599727100](https://doi.org/10.1080/09687599727100).

Сведения об авторах

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, директор, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-1629-7780](https://orcid.org/0000-0002-1629-7780); РИНЦ SPIN-код: [1129-8400](https://elibrary.ru/1129-8400); Web of Science Researcher ID: [F-5579-2018](https://orcid.org/F-5579-2018); Scopus Author ID: [57192987864](https://orcid.org/57192987864).

Рочева Яна Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, руководитель отдела мониторинга соблюдения прав инвалидов, ФНОЦ МСЭ и Р им. Г. А. Альбрехта Минтруда России (Федеральный научно-образовательный центр медико-социальной экспертизы и реабилитации им. Г. А. Альбрехта Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации), Санкт-Петербург; стажер, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: rocheva_yana@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7162-8917](https://orcid.org/0000-0002-7162-8917); РИНЦ SPIN-код: [3093-5092](https://elibrary.ru/3093-5092); Web of Science Researcher ID: [ABC-5906-2021](https://orcid.org/ABC-5906-2021); Scopus Author ID: [57223703463](https://orcid.org/57223703463).

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; принята в печать 20.04.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

SOCIAL STATUS AND EMPLOYMENT OF PEOPLE WITH DISABILITIES IN RURAL RUSSIA

Tamara K. Rostovskaya

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Yana S. Rocheva

Albrecht Federal Scientific and Educational Centre of Medical and Social Expertise and Rehabilitation, Ministry of Labor of Russia, St. Petersburg;

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: rocheva_yana@mail.ru

For citation: Rostovskaya, T. K., Rocheva, Y. S. Social Status and Employment of People with Disabilities in Rural Russia. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 2. Pp. 144–167. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.9](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.9). (In Russ.)

Abstract. This article examines the status and social inclusion of people with disabilities living in rural areas. The aim of the study is to analyze socioeconomic conditions, living conditions, employment opportunities, and access to health and social services in rural areas for people with disabilities. Using data from the Comprehensive Survey of 2014 Living Conditions of Population and a national survey of people with disabilities and representatives of disabled children conducted in 25 regions of the Russian Federation, differences in living conditions, accessibility of infrastructure, and employment of people with disability are identified depending on the area of residence and type of disability. The study results show that people with disabilities living in rural areas have lower standards of housing, limited access to transportation and infrastructure, and a more limited employment structure than people with disabilities in urban areas. It was found that those whose life activities depend directly on physical accessibility experience the most significant limitations, especially people with musculoskeletal or visual impairments. A conclusion is drawn regarding the existence of double inequality, where disability sets the initial level of limitation, and the spatial environment defines the possibilities for social compensation or enhancement. These findings complement existing sociological understandings of the social inclusion of people with disabilities and can be used to develop and evaluate social policy measures that are tailored to the needs of rural communities.

Keywords: disability, rural areas, social inequality, social policy, social integration, employment, access to services

References

1. World Health Organization. *World Report on Disability 2011*. Malta: WHO, 2011. 325 p. ISBN 978-92-4-068521-5.
2. Philip, L. J., M. Shucksmith. Conceptualizing Social Exclusion in Rural Britain. *European Planning Studies*. 2003. Vol. 11, No. 4. Pp. 461–480. DOI [10.1080/09654310303646](https://doi.org/10.1080/09654310303646).
3. Neille, J., Penn, C. Beyond Physical Access: A Qualitative Analysis into the Barriers to Policy Implementation and Service Provision Experienced by Persons with Disabilities Living in a Rural Context. *Rural and Remote Health*. 2015. Vol. 15, No. 3. Pp. 149–162. DOI [10.22605/RRH3332](https://doi.org/10.22605/RRH3332).
4. Iezzoni, L. I., Killeen, M. B., O'Day B. L. Rural Residents with Disabilities Confront Substantial Barriers to Obtaining Primary Care. *Health Services Research*. 2006. Vol. 41, No. 4. Pp. 1258–1275. DOI [10.1111/j.1475-6773.2006.00534.x](https://doi.org/10.1111/j.1475-6773.2006.00534.x).
5. Staroverov, V. I. The Role of the Village in the National Life and Social Upheavals in Pre-Revolutionary Russia. *Food Policy and Security*. 2018. Vol. 5, No. 2. Pp. 107–115. DOI [10.18334/ppib.5.2.40112](https://doi.org/10.18334/ppib.5.2.40112). (In Russ.).
6. Staroverov, V. I. Russian Rural Sociology Rebirth (A Witness' Notes). *Sociological Studies*. 2008. No. 10(294). Pp. 40–52. (In Russ.).
7. Andryushchenko, S. A., Bondarenko, Yu. P., Burlakov, V. B., Vinogradskaya, O. Ya. Sotsial'no-ekonomicheskiye problemy razvitiya fermerskogo uklada v Rossii [Socio-Economic Problems of Development of Farming System in Russia]. *Ustoychivoye razvitiye agropodovol'stvennogo sektora kak vazhneyshiy faktor sotsial'no-ekonomicheskoy stabil'nosti Rossii [Sustainable Development of Agri-Food Sector as the Most Important Factor of Socio-Economic Stability of Russia]*: materials of the Second All-Russian Congress of Agricultural Economists: in 2 parts, Moscow, February 13–15, 2006. Part 1. Moscow: Russian Research Institute of Information and Technical and Economic Research on Engineering and Technical Support of the Agro-Industrial Complex, 2006. Pp. 21–25. ISBN 5-7367-0597-4. (In Russ.).
8. Bondarenko, Y. Prospects for Multiformality of the Russian Agrarian Sector. *Regional Agrosystems: Economics and Sociology*. 2016. No. 1. Pp. 12. (In Russ.).
9. Velikiy, P. P. Owners of Private Farmsteads: Differentiation, Problems, Outlook. *Sociological Studies*. 2019. No. 12. Pp. 48–60. DOI [10.31857/S013216250007734-0](https://doi.org/10.31857/S013216250007734-0). (In Russ.).
10. Zhukova, T. A. Problems of Development of Peasant (Farm) Farms in the Kuban. *Aktual'nyye problemy ustoychivogo razvitiya sel'skikh territoriy [Current Issues of Sustainable Development of Rural Areas]*: Collection of articles based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference, Krasnodar, November 25, 2019. Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, 2019. Pp. 89–97. (In Russ.).
11. Isaeva, O. V. Mixed Forms of Management in Agriculture of Russia: Modern Tendencies and Prospects of Development. *Economy and Ecology of Territorial Formations*. 2019. Vol. 3, No. 3. Pp. 20–30. DOI [10.23947/2413-1474-2019-3-3-20-30](https://doi.org/10.23947/2413-1474-2019-3-3-20-30). (In Russ.).
12. Namrueva, L. V. Interaction of Community and Family Patterns of Life in Southern Villages (Based on Research Materials of 2018). *Logos et Praxis*. 2019. Vol. 18, No. 2. Pp. 134–142. DOI [10.15688/lp.jvolsu.2019.2.12](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.2.12). (In Russ.).

13. Kasarkina, E. N. Subculture of Family-Related Assistance to the Mordovian Young Family in the Countryside. *Finno-Ugric World*. 2019. Vol. 11, No. 1. Pp. 45–55. DOI [10.15507/2076-2577.011.2019.01.045-055](https://doi.org/10.15507/2076-2577.011.2019.01.045-055). (In Russ.).
14. Gasiev, V. I. *Stanovleniye i funktsionirovaniye molodoy sel'skoy sem'i (na primere Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya) [Formation and Functioning of a Young Rural Family (On the Example of the Republic of North Ossetia-Alania)]*: abstract of a dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Moscow, 2006. 19 p. (In Russ.).
15. Elchaninov, P. M. Zhenskaya bezrabotitsa na sele [Female Unemployment in Rural Areas]. *Sociological Studies*. 2001. No. 12. Pp. 133–135. (In Russ.).
16. Panteleeva, O. I., Belyaeva, N. M. Molodaya sem'ya kak institutsional'nyy faktor ustoychivogo razvitiya sel'skikh territoriy [Young Family as an Institutional Factor in Sustainable Development of Rural Areas]. *Proceedings of Nizhnevolskiy Agrouniversity Complex: Science and Higher Vocational Education*. 2011. No. 2(22). Pp. 249–254. (In Russ.).
17. Shirokalova, G. S., Deryabina, O. N. Spetsialisty dlya sela i selo dlya spetsialistov [Specialists for the Village and the Village for Specialists]. *Sociological Studies*. 2010. No. 9(317). Pp. 26–38. (In Russ.).
18. Petrikov, A. V. Priorities and Mechanisms of Socio-Economic Development of the Russian Village. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2024. Vol. 94, No. 2. Pp. 115–123. DOI [10.31857/S0869587324020049](https://doi.org/10.31857/S0869587324020049). (In Russ.).
19. Shabanov, V. L. Quality of Life of the Rural Population in Russia: Integral Assessment and Regional Differentiation. *Population*. 2024. Vol. 27, No. 1. Pp. 4–19. DOI [10.24412/1561-7785-2024-1-4-19](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-4-19). (In Russ.).
20. Velikiy, P. P., Vyalshina, A. A. Contemporary Russian Village: Current Problems and Their Reflection in Agrarian Sociology. *Sociological Studies*. 2025. No. 1. Pp. 53–69. DOI [10.31857/S0132162525010068](https://doi.org/10.31857/S0132162525010068). (In Russ.).
21. Oliver, M. The Politics of Disablement – New Social Movements. In: *The Politics of Disablement. Critical Texts in Social Work and the Welfare State*. London: Palgrave, 1990. Pp. 112–131. DOI [10.1007/978-1-349-20895-1_8](https://doi.org/10.1007/978-1-349-20895-1_8).
22. Shakespeare, T. *Disability: The Basics*. London: Routledge, 2017. 196 p. ISBN 9781315624839. DOI [10.4324/9781315624839](https://doi.org/10.4324/9781315624839).
23. Mitra, S., Posarac, A., Vick, B. Disability and Poverty in Developing Countries: A Multidimensional Study. *World Development*. 2013. Vol. 41. Pp. 1–18. DOI [10.1016/j.worlddev.2012.05.024](https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2012.05.024).
24. Soldatic, K., Johnson, K. *Disability and Rurality*. London: Routledge, 2017. 274 p. ISBN 9781315577340. DOI [10.4324/9781315624839](https://doi.org/10.4324/9781315624839).
25. Romanov, P. V., Yarskaya-Smirnova, E. R. Policies of Disability: Issues of Accessible Environment and Employment. *Sociological Studies*. 2005. No. 2(250). Pp. 43–55. (In Russ.).
26. Zubarevich, N. Razvitiye sel'skikh territoriy Rossii, sotsial'nyye i gendernyye problemy [Development of Rural Areas of Russia, Social and Gender Issues]. *International Agricultural Journal*. 2017. No. 2. Pp. 12–14. (In Russ.).
27. Gulliford, M., Figueroa-Munoz, J., Hudson, M., et al. What does 'access to health care' mean? *Journal of Health Services Research and Policy*. 2002. Vol. 7. No. 3. Pp. 186–188. DOI [10.1258/135581902760082517](https://doi.org/10.1258/135581902760082517).
28. Kulagina, E. V. Social Security of Persons with Disabilities: Accessibility for Working-Age Population. Part II. *Sociological Science and Social Practice*. 2022. Vol. 10, No. 4(40). Pp. 8–27. DOI [10.19181/snsp.2022.10.4.9280](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9280). (In Russ.).
29. Korogodova, N. P., Zaitsev, D. V., Zaitseva, O. V. The Effectiveness of Social Services in the Implementation of Psychological, Pedagogical and Socio-Cultural Services in the Process of Disabled Children's Inclusion into Society. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2021. Vol. 21, No. 1. Pp. 29–36. DOI [10.18500/1818-9601-2021-21-1-29-36](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-29-36). (In Russ.).
30. Gurina, M. A., Sokolskaya, T. I., Shurupova, A. S., et al. Research on Some Aspects of Social Policy Related to People with Disabilities at the Regional Level. *Russian Journal of Labor Economics*. 2023. Vol. 10, No. 3. Pp. 397–412. DOI [10.18334/et.10.3.117531](https://doi.org/10.18334/et.10.3.117531). (In Russ.).

31. United Nations Department of Economic and Social Affairs. *Disability and Development Report: Realizing the Sustainable Development Goals by, for and with Persons with Disabilities 2018*. New York: UN DESA, 2019. 340 p. ISBN 9789210479035.
32. Hall, E., Wilton, R. Alternative Spaces of 'Work' and Inclusion for Disabled People. *Disability & Society*. 2011. Vol. 26, No. 7. Pp. 867–880. DOI [10.1080/09687599.2011.618742](https://doi.org/10.1080/09687599.2011.618742).
33. Neille, J. A Qualitative Inquiry into the Ways in Which Space and Place Influence the Lived Experiences of Adults with Disabilities in Rural South Africa. *Rural and Remote Health*. 2021. Vol. 21, No. 1. Article 6241. DOI [10.22605/RRH6241](https://doi.org/10.22605/RRH6241).
34. Burdyak, A. Ya., Vasin, S. A., Makarentseva, A. O., et al. *Invalidnost' i sotsial'noye polozheniye invalidov v Rossii [Disability and Social Status of Disabled People in Russia]*. Moscow: Delo Publishing House, 2017. 256 p. ISBN 978-5-7749-1213-1. (In Russ.).
35. Kovalev, A. S. State Social Policy Towards the Disabled and Elderly in Rural Areas of the RSFSR in the 1920s–1930s: Ideas and Everyday Practices. *Russian Peasant Studies*. 2025. Vol. 10, No. 1. Pp. 77–103. (In Russ.).
36. Proklova, T. N., Schepin, V. O., Chicherin, L. P., et al. The Persistent Disability of Population in the Russian Federation: Analysis and Assessment of Regional Characteristics. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. 2020. Vol. 28, No. 4. Pp. 555–559. DOI [10.32687/0869-866X-2020-28-4-555-559](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-4-555-559). (In Russ.).
37. Pustovoit, N. V., Vlasova, E. N., Gurova, O. P., Safyanova, N. S. The Problem of Social Isolation of Families with Disabled Children (Based on the Material of the Republic of Khakassia). *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2023. No. 12. Pp. 57–64. DOI [10.23672/SAE.2023.32.91.025](https://doi.org/10.23672/SAE.2023.32.91.025). (In Russ.).
38. Lindsay, S., Abdeahad, N., Leo, S., Phonepraseuth, J. Disability and Rurality: A Systematic Review of Qualitative Studies of Experiences with Disability among Families with Children and Youth with Disabilities. *Disability and Rehabilitation*. 2025. Vol. 47. No. 26. P. 6781–6804. [10.1080/09638288.2025.2525545](https://doi.org/10.1080/09638288.2025.2525545).
39. Wang, Y., Qi, C. Multi-Dimensional Accessibility Barriers in Care Services for the Rural Elderly with Disabilities: A Qualitative Study in China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18, No. 12. Article 6373. DOI [10.3390/ijerph18126373](https://doi.org/10.3390/ijerph18126373).
40. Starshinova, A. F., Rogacheva, T. V., Shestakova, E. V. Rehabilitation of People with Disabilities and Assessment of Its Effectiveness: Sociological Justification and Practice. *Ojkumena. Regional Researches*. 2025. Vol. 19, No. 1. Pp. 94–104. DOI [10.29039/1998-6785/2025-1/94-104](https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/94-104). (In Russ.).
41. Rocheva, Ya. S., Chechulin, A. V., Ponomarenko, G. N. Theoretical and Methodological Foundations of Sociological Monitoring of the Observance of the Rights of Persons with Disabilities. *Bulletin PNRPU. Social and Economic Sciences*. 2025. No. 2. Pp. 50–67. DOI [10.15593/2224-9354/2025.2.4](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2025.2.4). (In Russ.).
42. Sage, R., Ward, B., Myers, A., Ravesloot, C. Transitory and Enduring Disability Among Urban and Rural People. *The Journal of Rural Health*. 2019. Vol. 35, No. 4. Pp. 460–470. DOI [10.1111/jrh.12338](https://doi.org/10.1111/jrh.12338).
43. Zhao, G., Okoro, C. A., Hsia, J., et al. Prevalence of Disability and Disability Types by Urban-Rural County Classification-U.S., 2016. *American Journal of Preventive Medicine*. 2019. Vol. 57, No. 6. Pp. 749–756. DOI [10.1016/j.amepre.2019.07.022](https://doi.org/10.1016/j.amepre.2019.07.022).
44. Nicholson, L., Hotchin, H. The Relationship between Area Deprivation and Contact with Community Intellectual Disability Psychiatry. *Journal of Intellectual Disability Research*. 2015. Vol. 59, No. 5. Pp. 487–492. DOI [10.1111/jir.12149](https://doi.org/10.1111/jir.12149).
45. Yarskaya-Smirnova, E. R., Romanov, P. V. Accessibility of Higher Education for Disabled. *University Management: Practice and Analysis*. 2005. No. 1. Pp. 89–99. (In Russ.).
46. Natsun, L. N. Discrimination of People with Disabilities in the Labor Market as a Source of Social Vulnerability. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2018. No. 3(35). Pp. 463–473. DOI [10.17072/2078-7898/2018-3-463-473](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-3-463-473). (In Russ.).
47. Gething, L. Sources of Double Disadvantage for People with Disabilities Living in Remote and Rural Areas of New South Wales, Australia. *Disability & Society*. 1997. Vol. 12, No. 4. Pp. 513–531. DOI [10.1080/09687599727100](https://doi.org/10.1080/09687599727100).

Bio notes

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-1629-7780](https://orcid.org/0000-0002-1629-7780); RSCI SPIN-code: [1129-8400](https://elibrary.ru/1129-8400); Web of Science Researcher ID: [F-5579-2018](https://orcid.org/F-5579-2018); Scopus Author ID: [57192987864](https://orcid.org/57192987864).

Yana S. Rocheva, Candidate of Sociological Sciences, Docent, Head of the Department for Monitoring the Rights of Persons with Disabilities, Albrecht Federal Scientific and Educational Centre of Medical and Social Expertise and Rehabilitation, Ministry of Labor of Russia (Federal Scientific and Educational Centre of Medial and Social Expertise and Rehabilitation named after G. A. Albrecht of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation), St. Petersburg; Trainee, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: rocheva_yana@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7162-8917](https://orcid.org/0000-0002-7162-8917); RSCI SPIN-code: [3093-5092](https://elibrary.ru/3093-5092); Web of Science Researcher ID: [ABC-5906-2021](https://orcid.org/ABC-5906-2021); Scopus Author ID: [57223703463](https://orcid.org/57223703463).

Received on 12.02.2026; accepted for publication on 20.04.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.